

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РУССКОМ ФЕОДАЛЬНОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ В ПРИБАЛТИКЕ В ПЕРИОД ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ (1558—1582)

Г. А. Новицкий

Известно, что в период Ливонской войны правительство Ивана IV насаждало на присоединенной территории русское феодальное землевладение. Р. Ю. Виппер в книге «Иван Грозный» писал: «...царь энергично ведет дело обрусения завоеванных областей Восточной Ливонии, прилегающей к Чудскому озеру: в отнятой у немцев области раздавались поместья детям боярским»¹. О задаче в Прибалтике земель и поместий

русским дворянам писал и проф. К. В. Базилевич². Однако сведения этих авторов основаны лишь на данных хроники Бальтзара Рюссова. Вот почему большой интерес представляют документы по истории русского феодального землевладения в Прибалтике, хранящиеся в фондах приказных дел старых лет и новой разборки Центрального государственного архива древних актов

¹ Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. М. 1944, стр. 52.

² К. В. Базилевич. История СССР (до конца XVII в.). Курс лекций в ВПШ при ЦК ВКП(б). М. 1949, стр. 300.

в Москве. Эти документы до сих пор оставались вне поля зрения исследователей. Лишь три из них — о служилом землевладении в XVI в. — были использованы в работе С. В. Рождественского, да и то в качестве частного примера в связи с общей историей русского феодального землевладения³.

Все сохранившиеся архивные документы (около 30) относятся к короткому отрезку времени — 1577—1579 годам. Можно предположить, что эти документы, видимо, случайно уцелевшие во время пожара Москвы в 1626 г., представляют собой лишь незначительную часть делопроизводства об испомещении русских служилых людей в занятых районах Прибалтики. Автору настоящей статьи не удалось обнаружить русских документов о служилом землевладении и в архивах Эстонской ССР. Повидимому, документы такого рода в составе делопроизводства местных приказных воеводских изб были перевезены в Москву после перемирия в Яме-Запольском в 1582 году. Изученные нами документы обрисовывают русское феодальное землевладение в двух районах — на территории, занятой в 1572—1577 гг. (от линии Пайда и Вильяна на востоке до моря на западе и Лемзала на юге, за исключением Таллина и прилегающего к нему района), и на территории, завоеванной во время осеннего похода 1577 г. (Влех, Чиствин, Лужа). Небольшое количество документов, сохранившихся до нашего времени, относится к разным уездам занятой Иваном IV Ливонии. Это служит косвенным свидетельством того, что система русского феодального землевладения распространилась на всю присоединенную часть Прибалтики.

Документы по своему характеру и содержанию представляют дела, возникшие по челобитьям русских служилых людей, испомещенных в Прибалтике. Это главным образом просьбы о доведении земельной дачи до полного оклада, о дополнительной прибавке земельного жалованья «за кровь» (за военные заслуги), о мене земельных дач как в пределах территории Прибалтики, так и в старых русских районах государства. Среди них несколько челобитий о расширении дворовых мест, пожалованных русским служилым людям в занятых городах Прибалтики — Пернове (Пярну),

Гапселе (Хаапсалу) и др.⁴. Ни писцовые, ни «отдельные» книги и другие документы, типичные для делопроизводства по русскому феодальному землевладению, ссылки и упоминания на которые имеются в самих делах, до нас не дошли. В одном из документов говорится, что «отдельные» книги (перновские) в Москву не присылались.

Изучение сохранившихся дел обогащает нас рядом новых сведений о русском феодальном землевладении в Прибалтике и проливает свет на самый характер Ливонской войны и отношение к ней русских феодалов. Сопоставление хронологических дат занятия отдельных районов Ливонии с указаниями архивных дел приводит к выводу, что русское феодальное землевладение насаждалось немедленно после вступления русского войска на соответствующую территорию Прибалтики. Во всех ли случаях уничтожалось немецкое феодальное землевладение в последний период Ливонской войны, сказать трудно. Но во всяком случае можно утверждать, что все собственно орденские и епископские земли переходили в состав дворцовых земель русского государя, а какая-то часть земель светского лютеранского дворянства, определявшегося на службу русскому государству, оставалась неконфискованной. Сохранившиеся архивные документы определенно говорят о «дворцовых» и «немецких» землях.

Правительство Ивана IV, повидимому, придавало большое значение организации русского феодального землевладения в Прибалтике. Как только русские войска занимали тот или другой район Прибалтики, писцы немедленно описывали местные земли. Так, например, Пернов и Гапсель были заняты Иваном IV в 1575 году. В том же году были составлены «апсельские» писцовые книги «письма князя Богдана Гагарина с товарищи» и перновские «боярские книги», «письма князя Неклюда Путятина с товарищи»⁵. Эти же писцы, видимо, в спешном порядке, производили верстанье служилых людей.

Дошедшие до нас дела по русскому феодальному землевладению в Прибалтике не оставляют ни малейшего сомнения в том, что почти все земли были заселены. «Новые немецкие города» очень привлекали русских помещиков, находившихся здесь же, на театре военных действий, и видевших

³ С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб. 1897, стр. 264. Ссылки на приказные дела старых лет, св. 1, дд. 2 и 4; св. 2, д. 10.

⁴ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Приказные дела новой разборки, 1578 г., д. 16.

⁵ Там же, дд. 1 и 2

своими глазами населенные, удобные для ведения сельского хозяйства земли. Так, в челобитье Марфы Лазаревой о пожаловании ей поместья ее мужа Григория Лазарева, убитого в стычке с противником во время разведки в районе Таллина, упоминается «деревня Кенда, а в ней семь дворов живущих, а людей в них тож пашни паханные пятьдесят четей в поле в двух потому ж...»⁶. О деревнях говорится в ряде других дел. Хотя документы не упоминают о жителях деревень (что по характеру делопроизводства того времени совершенно не было обязательно), тем не менее не возникает никаких сомнений в том, что они были населены. В этом убеждают дела об обмене одних поместий на другие. Так, в 1578 г. возникло дело о размене поместьями между Григорьем Михайловым Шишкиным и Григорьем Патрикеевым Калитиным. Челобитье Шишкина и Калитина было удовлетворено: «По государеву указу бояре князь Иван Федорович Мстиславский с товарищи да дьяки Ондрей да Василий Шелкаловы приговориле Грише Шишкину служити изо Влеха и поместье ему дати во Влехе Гриши Калитина, а Грише Калитину служити из Апсла и поместье ему дати в Апсле Гриши Шишкина и в книгах с тех поместья расписал по их мене»⁷. Было бы странно, если бы челобитчики менялись ненаселенными поместьями или одно из них было бы без крестьян.

Это же дело содержит указание о мотивах обмена поместьями. Грамота от Ивана IV в Пернов воеводе князю М. Ю. Лыкову, его товарищу Поснику Елизарьевичу Кутузову и дьяку Василию Алексееву сообщает, что «они (то есть Шишкин и Калитин. — Г. Н.) меж собой поместье меняли, Гриша Шишкин идет во Влех к братье, а Гриша Калитин идет в Апсел к отцу и к братье»⁸. Эта ссылка на мотивы мены поместьями Шишкина и Калитина говорит прежде всего о том, что русские служилые люди испомещались компактными массами, представлявшими собой большей частью значительные группы помещиков из той или другой волости. Так, «братья» Гриши Шишкина была испомещена во Влехе после похода Ивана IV в 1577 г., а отец и братья Гриши Калитина получили поместья в Апсельском (Гапсельском) уезде в 1575 году. Обмен поместий говорит также о том, что после овладения Иваном IV почти всей Эстонией и Лифляндией русские

помещики чувствовали себя в новом крае очень прочно и устраивались в нем со всеми своими родичами на постоянное жительство.

Несмотря на небольшое количество дошедших до нас документов, они дают очень существенные и достаточно многочисленные данные, чтобы сделать вполне обоснованные выводы о районе распространения русского феодального землевладения в Прибалтике. Сохранившиеся дела говорят о самых разных «уездах». В них упоминаются Апсельский (Гапсель, Хаапсалу), Патценский (Падис), Коловерский (Лоле), Лиговерский (Леаль, Лихула), Перновский (Пернов, Пярну), Вильянский (Вильянди, Феллин), Алыст (Алукопе — Мариенбург), Карсунский (Каркус), Улейский (Влех, Мариенгаузен), Лужский (Лудза), Режицкий (Розиттен, Резекне) и Чиствинский (Засвеген) уезды. Достаточно внимательно рассмотреть все эти названия на карте, чтобы убедиться, что даже частично дошедшие до нас документы о русском феодальном землевладении говорят о самом широком его распространении во всех занятых Иваном IV районах Прибалтики. Отсутствие документов о Салисе, Лемзале и Кеси в 1578 г. не может вызывать недоумений, потому что эти места только что вошли в район, которым до своей измены в 1578 г. должен был владеть Магнус. Возможно, что через несколько месяцев после их занятия Иваном IV в 1577 г. и немедленного отобрания их у Магнуса за его самовольные действия в отношении Куконойса, Ерли и некоторых других присягнувших ему городов в этих местах еще не было закончено испомещение русских служилых людей. Не исключена возможность и того, что документы о русском землевладении были и по этому району, но до нас не дошли. Дошедшие же до нас документы совершенно ясно свидетельствуют, что русское служилое землевладение было распространено на территории всей Западной Эстонии, то есть всего района, который был занят русскими войсками в 1572—1577 годах. Но документов нет из Пайды (Пайде, Вейссенштейн) и Полчева (Пылтсама, Оберпален), то есть из районов, расположенных в тылу, в Восточной Эстонии, присоединенной к русскому централизованному государству еще в 1558—1560 годах. Было бы совершенно невероятным предположение, что в этих районах русского служилого землевладения не было. Имеются косвенные сведения об испомещении в Восточной Ливонии русских служилых людей. Хорошим аргумен-

⁶ Там же, д. 10.

⁷ Там же, д. 1.

⁸ Там же.

том в пользу этого служит упоминание об испомещении в районе Алыста (Алуksне, Мариенбург) служилого человека Левонтия Андреева сына Окунева, которому был положен в 1577 г. оклад в 600 четей⁹. Как известно, Алыст (Алуksне) был взят русскими войсками еще в 1560 году. Таким образом, совершенно обоснован вывод о распространении русского феодального землевладения на территории от Чудского озера до морского побережья Западной Эстонии. Также совершенно доказанным можно считать, что русское феодальное землевладение существовало на всей той территории, которая была присоединена Иваном IV в итоге похода 1577 года.

Изученные нами документы вносят новую, очень существенную черту в понимание хода Ливонской войны, в частности политики Ивана IV в самой Прибалтике. Иван Грозный, проявляя известную гибкость в понимании местных особенностей Прибалтики, вместе с тем стремился как можно скорее и прочнее утвердиться в присоединенных районах. Классовые интересы дворян, феодальная система организации русского войска и задачи поддержания полной мобилизационной готовности испомещенных в Прибалтике служилых людей, для ведения войны в особенности, требовали от правительства русского централизованного государства создания хорошо организованного служилого землевладения.

Сохранившиеся документы о русском феодальном землевладении в Прибалтике очень хорошо оттеняют эту последнюю его сторону. Упомянувшееся выше дело о мене поместьями Калитина и Шишкина содержит одну очень характерную и существенную деталь. «И в апсельских и писцовых книгах письма князя Богдана Гагарина лета 7084 (1575) написано за Григорьем за Михайловым сыном Шишкина в Апсельском уезде в тиши и на украине 3 деревни с третью деревнею да в опчей деревни в Свибе пашни паханные 34 чети да перелугу средней земли»¹⁰. Выражение «в тиши и на украине» ясно определяет обстановку, в которой происходило испомещение русских служилых людей. Верстанье поместьями происходило немедленно после занятия той или другой территории Прибалтики. Как видно из приведенной выдержки из дела о мене поместьями, Гриша Калитин был поверстан таким поместным окладом, что часть его земли находилась в са-

мой непосредственной близости от границы территории, занятой противником.

Служилые люди, испомещенные в Прибалтике, должны были в любое время быть готовы «всести на конь». Это хорошо видно из упоминавшегося уже дела по челобитью Марфы Лазаревой о пожаловании ей поместья ее мужа Григория Лазарева, убитого во время военных действий. «Ц. г. в. кн. Ивану Васильевичу вся русии бьет челом сирота твоя государева вдовица Марфица Григорьева жена Лазарева, послали государь мужа моего Григорья твои государевы ис пернова воеводы проведати про колыванских немец и как государь он будет в Велике мызе и встретили его колыванские латыши, а шли государь войною на перновские места и в те поры мужа моего убили...»¹¹.

При изучении русского феодального землевладения в Прибалтике представляет большой интерес, кто испомещался и какими поместными окладами обычно верстались русские служилые люди.

Сохранившиеся дела о русском феодальном землевладении в Прибалтике дают вполне ясные данные о типе служилых людей, испомещенных в «немецких новых городах», и о количестве четей, которым они были поверстаны. Так, уже упоминавшийся Григорий Шишкин получил во Влехе поместье в 250 четей, а Григорий Калитин в Апселе — поместье в 200 четей. Голова Фуник Григорьев сын Клементьев был поверстан в Перновском уезде окладом в 500 четей. Левонтей Андреев сын Окунев был поверстан в Алысте сравнительно высоким окладом в 600 четей. К сожалению, нет никаких указаний о его служебном положении. По всей вероятности, он принадлежал не к рядовым городовым боярским детям, а к выбору или же к детям боярским дворовым. Представитель давно захудалого княжеского рода с Белоозерья, князь Андрей Иванов сын Андомский, был сначала поверстан окладом в 200 четей, а потом ему по его челобитью дали в прибавку «за кровь» еще 150 четей. Перновскому сотнику Осипу Степанову сыну Крапивину был определен в Перновском уезде поместный оклад в 200 четей. Василий Добрынин получил в Перновском уезде оклад в 250 четей, да в придачу ему же было определено дать 50 четей.

Константин Петров Ефимьев получил в Лиговерском уезде оклад в 300 четей. Якову Алексееву Юшкову в Вильянском уезде

⁹ Там же, д. 3

¹⁰ Там же, д. 1.

¹¹ Там же, д. 10.

был назначен оклад поместного жалованья в 500 четей. Григорий Ермаков Лазарев был поверстан окладом в 300 четей. Семен Иванов Мельников и Иван Федоров Лазарев были оба поверстаны в Перновском уезде: первый получил оклад в 450 четей, а второй — в 300 четей. Михаил Григорьев Вольский и толмач Артамон Иванов были оба испомещены в Перновском уезде; первому из них поместный оклад был определен в 450 четей, а второму — в 250 четей¹². Если мы будем сравнивать эти оклады с теми, которые получали обычно в центральных уездах русского государства служилые люди, то увидим, что большинство этих окладов скорее подходит к размерам поместного верстанья «дворовых» детей боярских и отчасти детей боярских городовых. Но, как известно, десятии XVI в. дают очень разнообразные размеры поместных окладов русских служилых людей даже в пределах одного и того же «чина»¹³.

В Прибалтике, так же как и в центральных и других уездах русского государства, размеры поместного оклада и фактически выданного размера земельной дачи при испомещении сильно расходились: Так, вышеупомянутые помещики фактически были наделены: Левонтей Окунев из оклада в 600 четей получил только 220 четей, Андрей Андомский получил из 350 четей (с прибавкой) только 176, Константин Ефимьев получил в Лиговерском уезде из оклада в 300 четей — 150, Яков Юцков, испомещенный в Вильянском уезде значительным

окладом в 500 четей, получил только 100. Аналогичные недодачи имели место при испомещении Семена Мельникова (из оклада в 450 четей недодано 200) и Ивана Лазарева (из оклада в 300 четей недодано 150), Михаила Вольнского (недодача в 200 четей при окладе в 450) и толмача Артамона Иванова (недодача в 150 четей при окладе в 250).

Заслуживает большого внимания тот факт, что правительство при разрешении отдельных дел по челобитьям служилых людей в Прибалтике было вынуждено отмечать невозможность доведения земельной дачи до полного оклада, назначенного данному лицу, из-за недостатка земли. Так, например, при разборе челобитья «вильянского помещика» Якова Юшкова было отмечено, что его испоместить в Вильянском уезде полностью было невозможно («приискать негде») ¹⁴. Компенсировать Юшкова пришлось путем додачи ему земли из другого уезда. Очевидно, военные обстоятельства повелительно требовали от правительства испомещения в Прибалтике максимального возможного количества служилых людей. В силу этого, а также ввиду недостаточности удовлетворительного учета недодачи, как обычно и в других уездах русского государства, были очень значительны.

Изученные нами документы по русскому феодальному землевладению в Прибалтике представляют большой интерес для понимания общего характера борьбы русского государства за выходы к Балтийскому морю.

¹² Там же, дд. №№ 1—7, 9, 11.

¹³ С. В. Рождественский. Указ соч., стр. 252—253.

¹⁴ ЦГАДА, ф. Приказные дела новой разборки, д. 9, л. 4.